

“ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ СО ЗВОНА ГИТАР”
(К 75-ЛЕТИЮ ЮЛИЯ КИМА)

Грачева И.В.

“ДИССИДЕНТСЬКИЙ РУХ РОЗПОЧАВСЯ ЗІ ДЗВОНУ ГІТАР”

Стаття присвячена 75-річчю відомого барда, дисидента, поета, письменника, драматурга Юлія Кіма. Захоплення політикою і творчість для Ю. Кіма були нерозривні, а дисидентство і увага до політичних подій країни – невід’ємною частиною його життя. У своїх піснях «на злобу дня» поет висловлював те, що думав про радянську владу, а споруджені нею перепони тільки сприяли творчому процесу. Автор акцентує увагу читача на соціальних умовах життя людей в часи сталінського й брежнєвського режимів. Його пісні показали, що нищівна сила сміху у багато разів сильніше десятків серйозних викривальних статей.

Ключові слова: дисидентство, фольклорність, творчий метод, крамольні пісні, іронія, насмішка, сарказм, сатира.

Грачева И.В.

“ДИССИДЕНТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ СО ЗВОНА ГИТАР”

Статья посвящена 75-летию известного барда, дисидента, поэта, писателя, драматурга Юлия Кима. Увлечение политикой и творчество для Ю. Кима были неразрывны, а дисидентство и внимание к политическим событиям страны – неотъемлемой частью его жизни. В своих песнях «на злобу дня» поэт высказывал то, что думал о советской власти, а препоны, ею воздвигаемые, только способствовали творческому процессу. Автор акцентирует внимание читателя на социальных условиях жизни людей во времена сталинского и брежневского режимов. Его песни показали, что уничтожающая сила смеха во много раз сильнее десятков серьезных обличительных статей.

Ключевые слова: дисидентство, фольклорность, творческий метод, крамольные песни, ирония, насмешка, сарказм, сатира.

Gracheva I.V.

“THE DISSIDENT MOVEMENT BEGAN WITH THE RINGING GUITARS”

The article is devoted to the 75 th anniversary of the famous bard, a dissident poet, writer, playwright Juliy Kim. Passion for politics, art, dissident movement and attention to political events in the country were an integral part of his life. The poet expressed his thoughts about the Soviet regime in songs “ in response to the latest events “ and barriers just helped the creative process. The author mentions awful social life conditions of people during Stalin and Brezhnev regimes. His songs have shown that destroying power of laughter is much stronger than a dozen serious accusatory articles.

Key words: dissident movement, folklore creative method, seditious songs, irony, mockery, sarcasm, satire.

23 декабря Юлию Киму, известному барду, диссиденту, поэту, писателю, драматургу исполняется 75 лет. Увлечение политикой и творчество для Ю. Кима были неразрывны, а дисидентство и внимание к политическим событиям страны – неотъемлемой частью его жизни. В своих песнях «на злобу дня» поэт высказывал то, что думал о советской власти, а препоны, ею воздвигаемые, только способствовали творческому процессу.

Цель данной статьи – исследовать и проанализировать крамольные произведения Юлиа Кима, одну из самых ярких областей в творчестве юбиляра.

После короткой и ненадежной хрущевской оттепели началась пора брежневских заморозков. Гонения инакомыслящих были повсеместными, людей обвиняли и давали сроки. Дисидентство в Советском Союзе не было массовым явлением, но

в нем принимали участие многие известные люди. В 1963-м году Ю. Ким вошел в круг интеллигентов, непримиримых врагов Софьи Власьевны (как называли советскую власть в 60-е годы). Они осуществляли свободу слова явочным порядком: подписывали обращения, распространяли самиздат, участвовали в публичных акциях.

В то время уже были слышны «крамольные песни» Ю. Визбора и А. Галича. Юлий Ким не потерялся в потоке гремучих вод смутного времени. Не утратив живой интерес к происходящему, став бардом-диссидентом, поэт остался интересен для публики. Песни бардов-диссидентов, в частности Ю. Кима, свидетельствуют о реалиях эпохи. Их ироничные строки рисуют картину человеческой бездуховности и всемогущества бюрократической власти. «Все лучшее, что было создано в это время, диктовалось протестом против

застоя, стремлением показать правду» [2, с. 16].

В этом контексте нельзя не вспомнить слова Ларисы Богораз, бывшей жены Юлия Даниэля и вдовы Анатолия Марченко, которая считала началом правозащитного движения не событие, а настроение: «Человек с лицом и голосом перестает быть человеком толпы. В толпе всякий – часть. Фрагмент. И только личность – не часть. Диссидентское движение началось со звона гитар: Окуджава, Ким, Галич. В стране, где все было унифицировано, человек стал проявлять свой свободный выбор. Люди вспомнили о своей индивидуальности, это положило начало диссидентскому движению» [3, с. 10].

Встреча Хрущева с творческой интеллигенцией в марте 1963 года, где он выступил с идеологическим разнесом повести И. Эренбурга «Оттепель» и очерков В. Некрасова («как сказал Некрасов – но не тот!»), поэзии Евтушенко, нашла отражение в первой несколько язвительной «полукрамольной песенке» Ю. Кима «Март 63 года», или «Весенняя песенка». Тут автор намекал на главного редактора наиболее реакционного официозного журнала «Октябрь» Всеволода Кочетова: «Ах, какое времечко, не времечко – мечта! / Как раскукарекали повсюду *Кочета!* / Ведь такого пения, какое на дворе, / Я не слышал даже в “*Октябре!*”» (Здесь и далее курсив наш. – И.Г.) [7 с. 45].

Преподавание истории и обществоведения, несомненно, сказалось на жизненных интересах и творческой деятельности Ю. Кима, а когда он породнился с Петром Якиром, интерес к политической тематике разгорелся еще больше. Вокруг Петра Ионовича все бурлило, особенно во времена хрущевской оттепели. Рассказ тестя о своей жизни, об аресте, каторге, тюрьме и ссылке в 14 лет, о «всех кругах сталинского ада» нашли отражение в «Сказании о Петре Якире, который родился в 1923 году, а сел в 1937-м»: «Четырнадцати лет / Пацан попал в тюрьму, / Зачем и почему – Неясно никому» [4, с. 51].

В этой песне Ю. Ким с горькой иронией перечисляет обвинения, которые были предъявлены четырнадцатилетнему Петру: «политбандит, наймит, семит, поджигатель не то Кремля, не то рейхстага, не то Третьяковской галереи». Автор проводит параллель между нынешним положением в СССР и в стране «племени му-му», у которого «три тыщи лет тому» был «обычай детей дарить языческому богу» по неизвестной никому причине.

Песня «Иные времена» была написана в 1965 году в связи с отставкой Хрущева. С приходом Брежнева пошли слухи о смягчении режима, о грядущих реформах. Косыгин сказал, что не собирается вмешиваться в дела художников, так как некомпетентен («В искусстве нашем я / Совсем не компетентен»). Поэт выражает свои сомнения по

поводу обещанной свободы:

... Твори, поэт, дерзай,
Бренчи своей бандурой!
С одной стороны – валяй!
С другой стороны – *подумай!*...
[4, с. 63].

Поэту нравилось «проходиться» по поводу конкретных лиц и событий, что придавало его песням крамольный оттенок. Например, в своих стихотворениях «Разговор 1967 года» и «Люблю свою бандуру» Юлий Ким намекает на В. Семичастного, который в 60-е годы возглавлял КГБ:

За это можно *Семичастным образом*
Накрыться, так годиков на тридцать!..
[4, с. 79];

... *Семичастным приставом*
Запахнет на всю Русь!
[4, с. 74].

В песне «Разговор 1967 года» строкой «глухая комедия с мощами неизвестного солдата» поэт намекает на помпезную шумиху вокруг захоронения останков Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Ю. Ким противопоставляет политизированность этой государственной акции полному забвению 25-летней годовщины массового расстрела евреев в Бабином Яру: «А Бабий Яр заброшен, тем не менее, / Как будто они все там зарыты!...». Кроме того, в песне Юлий Ким говорит о бесправии людей, бесчинствах режима, расцвете «стукачества» среди людей: «Ни шепота, ни ропота, / Зато простор для топота / И грохота, и стука» [4, с. 79].

Автор не обходит своим «вниманием» Г. Ягоду и Н. Ежова, которые возглавляли НКВД в 30-е годы и имели непосредственное отношение к смерти отца и аресту матери поэта: «И все ж перехожу / От Цветочков – к Ягоде, / От Ягоды к Ежу» [4, с. 4]. Поэт говорит с иронией о своем постоянном жгучем желании «Поклеветать на строй! / Поочернить действительность, / Позлобствовать на власть», «прикрываясь» своей бандурой. То и дело между строк возникают портреты советских вождей Брежнева и Сталина:

Чуть тронешь эти гусли –
Растут со всех углов
Увесистый ли ус ли,
Развесистая ль бровь
[4, с. 74].

Последняя песня считалась одной из самых крамольных. Поэт в ней затрагивает самые острые социальные темы, высмеивает Брежнева, его жесткие методы правления: «Мои брови жаждут крови – подпевай, не прекословь! / Распевайте на здоровье, пока я не хмурю бровь» [7, с. 121].

В этой песне автор предсказал арест знаменитых московских диссидентов Павла Литвинова, Ларисы Богораз и Натальи Горбаневской, которые выступили против ввода советских войск в Чехословакию 25 августа 1968 года: «Эх, раз,

еще раз, еще много-много раз, / Еще Пашку, и Наташку, и Ларису Богораз!» [7, с.121].

Песня «Моя матушка Россия» не уступает место другим произведениям Кима по своему острому социальному содержанию. В ней автор выражает свою боль за Россию-матушку, которая от безысходности и безверия превращается в «торгашку» и «алкоголичку».

Моя матушка Россия
Пошла утром на базар
Торганула в магазине
С-под прилавка самовар.
... В него водки налила,
Апельсином закусила...

[4, с.99].

Поэт описывает свой «конфликт» с «матерью», которая унижает, мучает, «упекает в Лубянку», относится к нему, как к «тле» и «иуде», требует поклонения и уважения, хотя сама вызывает лишь чувство жалости.

Ну, сколь его не мучаю – все ставит из себя!..
Я и раз, еще раз – ставит из себя!..
И под дых, и под глаз – ставит из себя!..

[4, с.99].

Ким обращался к самым опасным в то время темам, называя своими именами то, что видели многие, но о чем боялись говорить вслух. В песне «Адвокатский вальс» дается афористическая характеристика правосудия застойных времен [6, с.338]. Она была посвящена адвокатам, которые осмеливались защищать диссидентов на процессах с заведомо предрешенным исходом, зачастую лишая себя тем самым карьеры. Официально песня посвящается С.В. Калистратовой и Д.И. Каминской, которые защищали близких автору людей. Часто адвокаты сами становились участниками диссидентского движения. Описания тех или иных судебных процессов опираются в основном на их информацию.

Конечно, усилия тщетны
И им не вдолбить ничего:
Предметы для них беспредметны,
А белое просто черно

[4, с.87].

Автор выражает свое неподдельное восхищение тем, что делают адвокаты, сравнивая власти с «машинами», а «правое слово» адвокатов с «лучом света в кромешной ночи», который, несмотря на кажущуюся безысходность, дает надежду («все же ты вечно звучи!»). Его удивляет:

Откуда ж берется охота,
Азарт, неподдельная страсть
Машинам доказывать что-то,
Властям корректировать власть?

[4, с.87].

В песне «Суд над судьей» (1982), включенной в либретто одноактной оперы по сюжету К. Воннегута «Золушка в концлагере», поэт про-

должает острую тему правосудия в России при советской власти. Он говорит о фарсе в суде, о готовых приговорах, о напускной важности судей («деловит, строг, суров и важен», с «пушком на рыле»), которые «служат не истине, а силе»:

А вся истина ясна
Не судьбе, не узнику,
А тем, кто в наши времена
Заказывает музыку

[4, с.120].

В своих стихах Ю. Ким описывает то, с чем не способен смириться – безысходность и бесправность людей во времена застоя. Тема обысков выходит на первый план в стихотворении «Да здравствует шмон» (1967). Ким иронизирует, выражая «благодарность» и «низкий поклон» российским «жандармам», которые «спасают» его «чистоту», превращая в «табула раса». «Спасатели, взявшие свой реванш у дьявола», у которых «всегда есть карт-бланш», выносят из его квартиры спрятанные «за бабкиным трюмо, в папиных штиблетах» книги Набокова, Солженицына, Авторханова и Бердяева, ходившие в самиздате.

В 1979 году Ю. Ким пишет «Блатную отсидентскую» песню, которую стилизует под «блатной» фольклор, в частности «Мурку». Поэт делает краткий обзор своей диссидентской деятельности: как «пошли на дело неумело», «ночами наша “Оптима” гремела», «ходили мы с таким преступным видом, / Все время с портфелем набитым», «мы звонили по секрету / В английскую газету “Морнинг Стар”», «мы на “Эре” множили воззвания», «мы статую выбирали, / Где нам удобней лозунг раскидать». Автор не забывает и про госорганы, которые «за нами всюду шли по следу», «“Оптиму” накрыли поутру, / И, три доллара торжественно изъав во время шмона, / Повязали нас и ЦРУ». Ким упоминает Лубянку, где неоднократно его допрашивали: «Но Лубянка – это не Петровка, / У ней сурьезная большая подготовка, / У ней и лазер, и радар, и ротор...» [4, с.112].

За годы перестройки поэт изменился. В нем открылось новое дыхание, позволившее говорить в полный голос о своих идейных противниках, не прибегая к эзопову языку. При этом простонародный, скомороший склад его поэзии и музыки обрел отточенность и совершенство формы, которая характеризуется иронией и гражданским пафосом певца [1, с.3]. Ким проявлял активность и в это время, живо и аналитически трезво откликаясь на политические события последних лет.

В «бодрой» «Истерической перестроечной» песне поэт затрагивает тему гласности, выражает свое опасение относительно возможной завтрашней судьбы энтузиастов перестройки: могут вернуться старые времена, когда за слово «отовсюду поисключат / И повсюду заключат». Несмотря на это, Ю. Ким не теряет присущих ему опти-

мизма и жизнелюбия, которые помогли поэту пережить самые тяжелые времена: «Так что, братцы, нам обратно / Ветер ходу не дает. / Остается нам, ребята, / Только двигаться вперед!» [4, с.132].

Дело Сахарова не оставило равнодушным поэта, что нашло отражение в его творчестве. Репрессии и ссылка академика в Горький ранили автора до глубины души. «Не заботясь ни о поэтике, ни о грамматике», Ю. Ким пишет «веселую детскую» песню «Капризная Маша», о девочке, которая не верит в бодрые речи «прозревших» бюрократов, о том, насколько лучше и свободнее стало жить: «То, что можно / В текущие дни, / Значительно больше, / Чем раньше «ни-ни!» [4, с.344]. На все увещевания, обещания и угрозы поэт под маской девочки со слезами твердит про «бедного чижика, который сидит в клетке, не поет, не скачет – плачет» [4, с.127].

Не миновали его суда и главы государств. «Письмо великого князя Московского» – классический образец политической сатиры горбачевских времен, знаменующей распад империи. В этом произведении поэт затрагивает тему пресловутой советской «дружбы народов», основанной на российском великодержавии как государственной идеологии, высмеивает бесплодные потуги центрального правительства удержать Литву от отделения. Песня была написана в 1990 году, когда литовское правительство возглавляла Казимира Прускене, а парламент – Витаутас Ландсбергис, что становится понятным из иронических строк «Письма»: «Казимира, ты пошто мне изменила? / Ты зачем так подкузьмила, / Казимира, мою власть? / Это все Ландсбергис Витька!» [4, с.136].

Характерной для поэтического творчества Кима в 90-е годы стала песня «Открытое письмо в Союз писателей РСФСР», написанная в связи с состоявшимся 14 ноября 1989 года VI пленумом Союза писателей. Это собрание, получившее название «антисемитский шабаш», было известно своими антисемитскими декларациями. На нем обсуждался вопрос, какого писателя считать русским, какого – русскоязычным. За убийственной насмешкой поэта стоит не только смех. А. Герш-

кович справедливо отмечает, что в этой песне Кима звучит «боль и стыд художника за великую литературу, которую низводят до духовного убожества нынешние вожди» [1, с.2]: «Позвольте, братцы, обратиться робко: / Пришла пора почистить наш народ» [4, с.134].

Поэтическое творчество Кима злободневно и глубоко исторично, оно отразило поиски и надежды, сомнения и разочарования, серьезные нравственные испытания интеллигентов-«шестидесятников» на протяжении более чем трех десятилетий [5, с.337]. Песни Ю. Кима отличает неподдельный демократизм. Для них характерно обращение к фольклорным образам, умелое использование народного языка и в то же время владение литературным русским языком. Автор акцентирует внимание читателя на социальных условиях жизни людей во времена сталинского и брежневского режимов. Искусство Кима противостоит осмеиваемой им действительности, но и жить без нее не может, питается ею, пародирует ее, подхватывает и по-своему переделывает на скомороший лад все, что свойственно жизни народа. Эти песни показали, что уничтожающая сила смеха во много раз сильнее десятков серьезных обличительных статей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гершкович А. «Бедный театр» Ю. Кима // Театр. жизнь. – 1992. – №13 – 14. – С. 2 – 4.
2. Gladkov G. «Не покидай меня, весна» // Неделя. – 1988. – №14. – С. 16.
3. Зеленина Е. Лариса Богораз: «Ночами ходили по харьковским улицам и горланили стихи...» // Время. – 2010. – 4 декабря, №471 (16660).
4. Ким Ю. Белеет мой парус: Стихи и песни с нотным приложением / Сост. Р. Шипов. – М.: Локид-Пресс, 2002. – 448 с.
5. Ким Ю. Однажды Михайлов. – М.: Изд-во Время, 2004. – 496 с.
6. Ким Ю. Сочинения: Песни. Стихи. Пьесы. Статьи и очерки. – М.: Локид, 2000. – 575 с.
7. Новиков В. Авторская песня. – М.: Олимп-АСТ, 1997. – 338 с.